

ПРОЛОГ

Человек, чьё лицо было скрыто чёрным платком — лишь тёмные глаза блестели в сгущавшихся сумерках, — притаился в тени священного дерева сака́ки. Толстая рисовая верёвка симэна́ва, обнимающая крепкий шероховатый ствол дерева, таинственно белела, словно оскал какого-то древнего духа.

Человек начал поиски со святилища Речного Покоя. Оно было небольшим и старым — тёмное дерево, из которого сложено здание храма, совсем потемнело от времени и непогоды. Похоже, подношений у этого святилища совсем немного, раз храм давно не перестраивали. Тем лучше — прихожанам было бы жаль потраченных денег.

Рассвета святилище Речного Покоя уже не увидит.

Человек некоторое время наблюдал за святилищем и потому знал, что дважды в день сюда приходил молодой священник из соседнего храма, что в Тьюсю. Утром он зажигал благовония и возносил молитвы, а вечером сметал пепел с алтаря, запирали ведущие в храм двустворчатые двери и уходил.

Сегодня всё повторилось в точности как и днём ранее. Когда шаги молодого священника стихли вдалеке, а с рыбного рынка неподалёку разъехались последние припозднившиеся торговцы, человек выбрался из своего убежища и зашагал к запертому храму.

Единственный ключ унёс с собой молодой священник, но замки уже давно не были для человека помехой. Он снял с руки тёмную перчатку, обнажив тонкие и изящные пальцы, и коснулся замка. Глаза человека полыхнули синим — то были отголоски магии, что он пропускал через себя, — и покорёженный замок глухо звякнул о дощатый пол веранды для молитв.

Когда человек потянул двери на себя, они натужно закричали, словно пытались отогнать взломщика, желавшего проникнуть в секреты святилища. В храм не допускались посторонние: только священнослужители могли находиться там. А прихожанам разрешалось взглянуть на внутреннее убранство храма лишь по большим праздникам.

Человека скрип двери не обескуражил. Даже если его проникновение в храм не осталось незамеченным, он всё равно уберётся отсюда раньше, чем кто-то успеет поднять тревогу.

В неверном свете недавно взошедшей луны скромное убранство храма казалось совсем призрачным. С деревянных стен на вошедшего скалились изображения Великого Дракона — покровителя воды, небес и империи Тейсэ́н.

Но человек не убоился грозного взгляда Владыки. Он неспешно проследовал в самый дальний угол святилища и снял с пояса небольшую клетку с частыми прутьями. В ней билась стайка бабочек-огнёвок. Некоторые насекомые, уже мёртвые, лежали на дне клетки. Крылышки их печально поникли, яркая пыльца потускнела.

Но ничего, совсем скоро цвет жизни, пускай и ненадолго, снова вернётся к ним.

Человек что-то тихо прошептал над клеткой, и бабочки замерли. Когда его глаза снова полыхнули синевой, сияние это отразилось и на крылышках огнёвок. Человек открыл клетку, и бабочки одна за другой — даже до того мёртвые насекомые — поднялись со дна клетки и последовали за своими товарками, вылетели на свободу и принялись порхать вокруг человека. От крыльев их на стенах заплясали чудовищные

тени, словно полчище злых духов вдруг выбралось из самых тёмных недр земли.

Чем дальше летали бабочки, тем больше становились они, и вскоре им стало так тесно в крохотном святилище, что они начали задевать стены своими крыльями, охваченными синим пламенем. И те вспыхивали: резьба на стенах обугливалась, пожираемая ненасытным колдовским пламенем, с грохотом рушились потолочные балки и проседал старый дощатый пол. Человек же спокойно взирал на учиняемое бабочками разрушение, и ни искры от синего пламени, ни обломки сыпавшегося отовсюду дерева не причиняли ему вреда.

Вскоре всё было кончено. Где-то в отдалении послышался тревожный звон колокола с пожарной вышки: похоже, дозорный наконец заметил поднимавшийся от святилища дым. Скоро сюда набегут люди, но к этому времени человека здесь уже не будет.

Он поворочил ногой тлеющие угли и окинул внимательным взглядом всё, что осталось от святилища Речного Покоя. Истина всегда проявлялась в пламени, но ни единого отголоска силы не почувствовал человек, ни единого отблеска ки не выхватили из темноты его зоркие глаза.

Того, что он искал, в этом святилище никогда не было.

Чтобы не попасться никому на глаза, человек спустился к реке. Ито несла свои холодные воды прямо с горы Санхó. Три её вершины — заснеженные пики, которые ещё никому не удавалось покорить, — возвышались где-то далеко в темноте, на северо-востоке от Ганрю́. С тех пор, как человек приехал в эти края, он всегда ощущал, как гора довлела над ним, словно усмехалась в лицо всем, кому никогда не удастся и близко подобраться к её неприступным высотам.

Обеспокоенные крики тех, кто первым подоспел на пожарище, вывели человека из раздумий. Он бросил последний взгляд во тьму — туда, где возвышалась Санхо, — прежде чем войти в холодную реку и отдаться воле течения.

Когда он найдёт то, что ищет, этот мир изменится. Навсегда.

УМИ

Уми знала, что игрок в карты мухлевал, но сколько бы она ни пыталась подловить его, всё без толку.

Хотя Уми ещё не было и двадцати, у неё уже имелся довольно богатый опыт общения с далеко не самыми благополучными слоями общества. Всё потому, что последние пару лет она помогала отцу вести дела в крупном игорном доме Ганрю, который расположился в подвале харчевни «Толстый тануки».

Изначально это место было простым трактиром, на втором этаже которого хозяйка сдавала несколько небольших комнат. Сам же игорный дом обустроили в подвальном помещении всего каких-то три года назад, но за это время он уже успел снискать расположение как у простого народа, так и у горожан побогаче. Хотя игорный дом и держали якүдза, выпивку они не разбавляли, да и вели себя с гостями безукоризненно вежливо, если те не давали повода для ссоры. Вот люди и возвращались в «Тануки» снова и снова, зная, что в тихом зале, где бдительная охрана всегда поддерживала порядок, им

удастся отдохнуть после тяжёлого трудового дня — и, может, даже что-нибудь выиграть.

Игорный дом начинал работу только вечером, с часа Собаки или даже Кабана¹: вести подобные дела в открытую было запрещено законом, но полностью прикрыть такие заведения полиция всё же не могла. Слишком большое влияние во всей восточной провинции имел клан Аосáки и его глава, Итирó Ха-я́си. А кому была охота наживать себе такого опасного врага?

За годы работы в игорном доме Уми навидалась достаточно, чтобы суметь окончательно разочароваться людях. На её глазах порой разворачивались сцены величайшей человеческой мерзости и подлости. Кто-то мог продать за долги своих детей в бордель или театр, а некоторые даже умудрялись проигрывать собственную свободу и попадали в полное распоряжение клана Аосаки — разумеется, до той поры, пока не выплатят все долги. Чем-чем, а работоторговлей якудза не занимались — им и без того хватало забот.

А были и такие люди, как Косой Эйкити. Им страшно не везло, но вовремя останавливаться они не умели.

Косой Эйкити был невысоким и жилистым мужичком лет сорока. Насколько Уми было известно, ни жены, ни детей у него не было — как и места, где он мог бы преклонить голову. Косой Эйкити был частым гостем «Тануки» — вот только приходил он уже под самое закрытие игорного дома, к часу Тигра². Раньше такой сброд в игорный дом попросту не пускали, чтобы не распугать более состоятельных гостей. За отведённый ему час Косой Эйкити успевал проиграть всё своё скромное дневное жалованье, которое ему выплачивали за уборку мусора и разгрузку торговых лодок в портовом квартале. На памяти Уми ставки, которые делал Косой Эйкити, ни разу не выигрывали.

Тем удивительнее было, что этим вечером дела обстояли с точностью до наоборот.

¹ С 20 и 22 часов соответственно.

² Временной отрезок с 4 до 6 часов утра.

Выигранные деньги Косому уже некуда было складывать, и потому раздатчику пришлось отдать ему один из опустевших кошельей. Уми же ни на шаг не отходила от бродяги, пытаясь разгадать, в чём секрет его невиданной удачи. Она не сомневалась, что Эйкити жульничал, вот только в чём было дело, Уми так и не могла взять в толк, и это её очень злило. Основная работа Уми как смотрителя игорного зала заключалась в том, чтобы пресекать любые попытки игроков смухлевать. Но если кто-то всё же попадался, она передавала таких отличившихся охране, чтобы те спровадили их из «Тануки» как можно дальше. А заодно и отбили всякую охоту впредь обманывать якудза.

В конце концов, устав таскаться за Косым Эйкити по всему залу, Уми уселась у деревянной стойки, за которой сегодня дежурил сам управляющий игорным домом, Ёсио Мёрита. На первый взгляд этот молодой и большеглазый мужчина производил впечатление самого наивного и мягкого человека на свете. Но это было большим заблуждением: столь лихого и удачливого игрока в карты Ганрю не видывал давно! Итиро Хаяси так и заприметил этого парня, когда тот трижды обыграл его, будучи ещё сопливым и нескладным подростком.

Правда, была у этой удачливости и обратная сторона. Как-то человек, который сильно проигрался Ёсио, подкараулил его со своими дружками в подворотне. На память о той злополучной встрече у Ёсио на лице остался кривой и уродливый шрам — он спускался по правой щеке к самому основанию шеи. Ёсио часто шутил, что теперь он отмечает свой день рождения дважды в году, и вторая дата как раз выпадает на тот день, когда он понял, что после нападения не истечёт кровью, а выживет — назло всем своим завистникам и должникам.

— Что, совсем умаялась? — спросил Ёсио, с сочувствием покосившись на Уми.

Она сидела, облокотившись на стойку, и сверлила спину Косого Эйкити мрачным взглядом.

— Да оставь ты его, — протянул Ёсио и скрылся за стойкой, зазвенев бутылками. — Должно же человеку когда-то повезти.

— Слабо мне верится в такое везение, — покачала головой Уми. — Он же неудачник, каких ещё поискать. Такое за одну ночь не выправишь.

Ёсио вдруг придвинул к Уми наполненную рюмку, а когда она подняла на него удивлённый взгляд, заговорщически подмигнул ей.

— От меня оябун¹ ничего не узнает, — улыбнулся он ей. — А жить станет чуточку легче, поверь. Так что пей.

Уми понюхала содержимое рюмки. Саке. Она залпом опрокинула рюмку и с громким стуком поставила её на столик. Отец и впрямь не одобрил бы её увлечения вином, но другого способа справиться с усталостью Уми пока отыскать не удалось.

Обычно Ёсио не разрешал своим работникам выпивать во время смены. Чтобы подавать остальным пример, он и сам ни капли в рот не брал, пока в игорном доме оставался хоть один гость. Но иногда Ёсио всё же позволял пойти против собственных правил, правда, делал это только в самом крайнем случае.

Порой даже одна рюмка саке могла сотворить настоящее чудо. Уми почувствовала, как напряжение, в котором она пребывала весь вечер из-за странностей с Косым Эйкити, стало потихоньку уступать безразличию. Выигрывает? Ну и демоны с ним!

Уми тоскливым взглядом окинула почти пустой зал. Время было позднее, большинство гостей уже разошлись — лишь Косой Эйкити и ещё какой-то мужичок продолжали играть за самым дальним от стойки столом. Обычно Уми оставалась после смены, чтобы помочь Ёсио и раздатчикам убраться в зале, но сегодня она чувствовала, что сил ей хватит только на то, чтобы доползти до дома, завалиться на футон и проспаться до следующего утра.

¹ Обращение к главе клана якудза.

Глядя на дно опустевшей рюмки, Уми погрузилась в раздумья. Конечно, она в любой момент могла сказать отцу, что хватит с неё игорного дома, что она устала. Но тогда Итиро больше не позволит ей вмешиваться в дела клана. И тут уже никакие уговоры не помогут: иногда отец мог проявлять удивительное упрямство. Он полагал, что, если берёшься за какое-нибудь дело, то нужно непременно довести его до конца. И неважно, плохо ли тебе, тяжело ли. «Если ты не можешь стерпеть даже такой малости, то и говорить больше не о чем» — вот что сказал бы ей Итиро Хаяси в ответ на все жалобы.

Но Уми не была бы дочерью своего отца, если бы не унаследовала от него упрямство и настойчивость, благодаря которым Итиро Хаяси в своё время удалось добиться таких высот в клане. Уми не собиралась так просто отказываться от преимуществ, которые давала ей работа в «Тануки». Игорный дом посещали не только якудза из клана Аосаки, но и богатые и именитые горожане. Многим из них Уми примелькалась, а некоторые даже очевидно благоволили ей. Все эти связи могли оказаться полезными в будущем, когда расстановка сил в клане начнёт меняться.

Как ни горько было это признавать, но отцу не удастся удерживать власть в Аосаки-кай вечно. И потому уже сейчас Уми начала делать всё от неё зависящее, чтобы к тому моменту укрепить своё положение в клане и не остаться не у дел.

Ещё одним очевидным преимуществом работы в игорном доме была осведомлённость: некоторые новости Уми узнавала даже раньше, чем их докладывали отцу. «Толстый Тануки» стоял почти на самой окраине города, и потому в нём часто останавливались нарочные или путешественники, которые ехали верхом через горы. Новости из столицы и других западных земель растекались по городу, как потоки воды, орошающей рисовые поля. И Уми было приятно стоять рядом с теми, кто эти потоки запускал. Ей нравилось быть в самой гуще событий, чувствовать свою причастность к жизни Ганрю и клана. Так, например, неделю назад она узнала о приезде балагана.

Длинный обоз бродячих артистов, который поднял пыль на пустыре Танигүти чуть ли не до самого неба, Уми видела своими глазами. Отцу же о прибытии балагана доложили только к обеду.

Лишиться всего, чего она с таким трудом добилась, просто потому, что, видите ли, устала? Ну уж нет! Уми помнила, с какой неохотой отец разрешил ей работать в игорном доме и как первые месяцы она чуть ли не с ног валилась от усталости после каждой смены. Поначалу Уми работала раздатчицей карт. Ей приходилось следить за нишей с деньгами, вделанной внизу каждого игорного стола, раз за разом твердить заученные фразы, успокаивать не в меру разбушевавшихся гостей или занимать беседой особенно болтливых товарищей, даже если она едва могла ворочать языком под конец рабочего дня. Или, если говорить точнее, утра.

Но и толком отсыпаться днём ей не давали. Совсем скоро Уми должна была, как говорили старики, «войти в возраст невесты». А это означало, что нужно было заниматься шитьём и готовить приданое. Хотя Уми и была дочерью главы клана Аосаки, она прежде всего оставалась женщиной, которая в будущем своём вряд ли могла рассчитывать на что-то иное, кроме удачного замужества...

Заливистый и визгливый смех Косого Эйкити, который вдруг раздался из дальнего конца зала, вывел Уми из размышлений. Пускай она и намеревалась в будущем принести клану Аосаки большую пользу, начинать нужно было с малого.

Выпитое sake придало ей решимости, и потому Уми покинула стойку и направилась к столу, за которым играл Косой.

Раздатчик карт с нескрываемым недовольством поглядывал на вконец разошедшегося бродягу. Когда Уми подошла к столу, он тихонько пожаловался ей:

— Заговорённый он какой-то сегодня, не иначе! Я уже столько раз пытался карты подмешать, чтобы он проигрался, а колода как будто не слушается — выпадает ровно то, на что он ставит!

Иногда раздатчики могли подтасовывать карты, когда видели, что человек поймал неслыханную удачу. Они так хорошо знали свои колоды, что для них не составляло никакого труда ловко вытянуть при тасовке самую редкую карту, которую обычно не мог отгадать никто. Но делалось это нечасто и с особого разрешения управляющего — за любое недовольство гостя отвечать пришлось бы лично раздатчику.

Уми перевела взгляд с колоды, которую раздатчик сжимал в руках, на Косого Эйкити, расплывшегося в довольной ухмылке. В напарники ему достался такой же проспиртованный работяга, как и он сам, — с той лишь разницей, что противник Эйкити раз за разом проигрывал, тогда как Косой продолжал набивать карманы своих заношенных и давно не стиранных штанов-хакáма. Тяжесть монет заметно оттягивала карманы — и сами штаны, — и потому Эйкити то и дело приходилось поправлять пояс правой рукой..

И тут Уми осознала, что было не так во всей удачливости Косого Эйкити. Она столько раз видела, как он тасует свою колоду и тянет из неё карту за картой, что не сразу заметила, что сегодня он делает это не той рукой, что обычно.

Косой Эйкити был левшой, а карты этим вечером он тасовал правой рукой. Вот она, разгадка!

Теперь осталось только поймать этого хитреца с поличным.

— Ну что, приятель, долго нам тебя ждать? — нетерпеливо протянул Эйкити и постучал костяшками пальцев по столу.

В любое другое время Уми сделала бы ему замечание и попросила быть повежливее. Но сегодняшний день разительно отличался от предыдущих, так что и действовать следовало иначе.

— Отдохни пока, — краешком губ улыбнулась она раздатчику. — Я подменю тебя.

Хотя Уми уже несколько месяцев не работала у столов, но пальцы не утратили былой сноровки. Она ловко перетасовала карты и поочерёдно вытащила из колоды четыре штуки, разложив их в ряд на столе рубашками вверх. Игроки

проделали со своими колодами то же самое, вот только карты они тащили не наугад. Суть игры заключалась в том, чтобы угадать выложенную раздатчиком комбинацию. Чем больше карт угадаешь, тем солиднее окажется выигрыш.

— Господа, ваши ставки приняты, — проговорила Уми заученную реплику, а сама не спускала глаз с рук Эйкити. — Открываю карты.

Уми и игроки начали переворачивать карты одну за другой. Бросив быстрый взгляд на их ставки, Уми поразились: Косой Эйкити угадал все четыре выложенные ею карты, а его соперник — всего одну.

«Владыка тебя разорви, как ты это сделал?» — поразились Уми, но вслух сказала:

— Поздравляю. Получите ваш выигрыш.

Из ниши в игорном столе она достала почти пустой кошель и отсчитала игрокам положенное количество энов.

— Желаете сыграть ещё раз? — спросила она.

Соперник Эйкити отказался делать ставку. Он отошёл к стойке, заказал себе выпивку, а потом вернулся и уселся с краю стола, чтобы посмотреть, чем окончится очередная партия.

Эйкити же, как и рассчитывала Уми, остался играть. Он потирал ладони, предвкушая очередную победу, а Уми не сводила глаз с его рук.

«Я добыю, чтобы ты выдал себя, — словно молитву, твердила про себя Уми, раскладывая новые карты. — Я тебя поймаю, мелкое ты жульё, и всё твоё новообретённое богатство исчезнет, как облако над горой!»

Когда настала пора Эйкити выкладывать карты, взгляд Уми вдруг упал на его правый рукав. Только благодаря этому она увидела, как там что-то зашевелилось. На какой-то миг Уми даже показалось, что в глубине рукава она увидела блеск чьих-то красноватых глазок...

— А ну стой! — воскликнула она, не дав Косому положить последнюю карту. — Покажи-ка, что у тебя в рукаве.

— Вот же приставучая девка! — вскричал Эйкити, метнув на неё злобный взгляд. — Ходишь за мной весь вечер, заглядываешь под руку, и всё-то тебе мало!

Уми не обратила внимания на брань, которая на неё посыпалась. За долгое время работы в игорном доме она и не такого наслушалась.

Эйкити собрался было положить карту на стол, но Уми перехватила его руку.

— Рукав выверни, — процедила она. — Откажешься — и больше я тебя к «Тануки» на пистолетный выстрел не подпущу, понял?

Косой Эйкити ослабился, но перечить не стал. Отшвырнув от себя карты, он по самые плечи задрал рукава своей засаленной рубахи.

— Ну на, любуйся! — Эйкити демонстративно затряс руками, на которых ровном счётом не было ничего подозрительного — только на правом предплечье была вытатуирована замысловатая иредзүми, изображавшая какое-то змееподобное существо.

— Опа, Эйкити, ты когда эт успел себе иредзүми набить? — вытаращил глаза противник Косого. До этого он и двух слов связать не мог, а тут даже будто бы немного протрезвел.

— Не твоего ума дело, — процедил Косой. На лицо его сразу набежала тень, словно собутыльник ненароком сболтнул лишнего.

До Уми же постепенно стало доходить, в чём тут дело. Рассмотреть бы только узор получше...

— Эйкити, где же ты сделал такую красивую иредзүми? — вдруг проворковала она, застенчиво улыбнувшись Косому. — Я никогда таких не видела! Дай-ка взглянуть на неё поближе.

Уми довольно лет прожила на свете, чтобы понимать: некоторые мужчины попросту не могли устоять против силы женской улыбки. К тому же ей не раз говорили, что она была красивой, — так почему бы не воспользоваться столь очевидным преимуществом?